

А. Н. Островский в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров
Под общей редакцией В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова
М., "Художественная литература", 1966

Подготовка текста, вступительная статья и примечания А. И. РЕВЯКИНА

OCR Бычков М.Н.

<...> Говоря об Островском, нельзя не вспомнить о его достолюбезной личности. Очерк его головы, на мой взгляд, имел сходство с головой Софокла, как тот изображен на одном из бюстов Капитолийского музея. В его лице самое привлекательное были глаза: они умели и думать, и слушать, и улыбаться, и смеяться самым задумчивым образом. Как у всех смертных, у Александра Николаевича были, конечно, свои странности и недостатки; но они как-то шли к нему: так иной раз родимые пятнышки увеличивают миловидность. Оттого у всех близких к покойному людей даже к ним установилось какое-то любовное отношение.

Трудно вообразить себе человека добродушнее покойного. Однажды при мне он спросил у одного актера:

- Отчего N. у меня не бывает?

Актер замялся.

- Знаю, - продолжал Александр Николаевич, - он мне гадость сделал. Ну, да бог простит; я не сержусь. Скажите, чтоб он по-прежнему ходил ко мне.

Из личных воспоминаний приведу еще взгляд Островского на драматургическое дело...

- Драматург не изобретает сюжетов, - говорил Островский, - все наши сюжеты заимствованы {Конечно, не в том смысле, как это пишется на афишах тех авторов, у которых своего разве имена действующих; все же остальное - чужое. (Прим. Д. В. Аверкиева.)}. Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газетная заметка. У меня, по крайней мере, все сюжеты заимствованные. *Что* случилось, драматург не должен придумывать; его дело написать, *как* оно случилось или могло случиться. Тут вся его работа. При обращении внимания в эту сторону у него явятся живые люди и сами заговорят.

Кроме этого общего воззрения, он упоминал о случае, когда перед драматургом является живое лицо, создается характер, ради выяснения которого он ставит действующего в различные положения. Оба эти объяснения соответствуют еще аристотелевскому делению драм на такие, где преобладает действие, и на такие, где главное внимание обращено на изображение характера.

В заключение несколько слов об Островском как о начальнике репертуара московских театров. Он занимал эту должность так недолго, что трудно сказать о нем в этом отношении что-либо положительное. Заслуга его перед московским театром велика, и именно в том, что, благодаря его настояниям и ходатайствам, московские театры получили самостоятельное бытие. Не следует думать, что устроить это было легко для Островского; тут потребовалось целых пять лет неустанных усилий ¹. Дело это в высшей степени полезное и настоятельно необходимое; этим оно отличается от обычных театральных реформ, в последнее время столь обильных. Малый театр всегда был литературнее Александрийского, и начальствование из Петербурга не могло идти ему впрок.

Выражались опасения, что Островский за последнее время отстал от театра и знает актеров только по репетициям своих пьес, а потому будет пристрастен к известному актерскому кружку. В последний приезд Александра Николаевича из Москвы мне пришлось долго с ним беседовать именно о театре. Не было и тени пристрастия в его суждениях об актерах, он отдавал всем должное; он восстановил счетки, о важности чего мне уже доводилось говорить; ² по случаю "внезапной болезни" артистов, он сумел отдать роли вторым актерам, исполнившим их удачно. В великом посту он допустил к пробе всех желающих ³, и между массой негодных подметил талантливую ingénue {роль простушки (франц.).} и весьма приличного jeune premier {первого любовника (франц.).} ⁴. Он не верил, что актерские таланты вырождаются на Руси.

- Беда в том, - говорил он, - что у нас уж давно не дают хода молодым. Некому было их выдвигать.

Конечно, и против Островского, как против всякого начальника, уже начинали поговаривать. Когда Лаубе приглашали на подобную должность в Hof-Burg-Theater ⁵ то он просил заключить с ним контракт на пять лет.